

*Лобанова Алевтина Степановна,
кандидат филологических наук,
доцент ПГППУ
lobanova@pspu.ru*

О некоторых лексико-семантических особенностях рукописной работы протоиерея Антония Попова «Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный» 1785 г. *

Аннотация. Рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748–1788) до настоящего времени не являлось предметом комплексного анализа. Лексико-семантический аспект исследования позволяет выявить особенности развития лексического состава языка коми-пермяков в диахронии, показать возможные ареальные изменения функционирования тех или иных лексем, обозначить направления заимствований за последние два столетия и др. Большой интерес представляют такие лексемы, как (примеры взяты из словаря А. Попова – А.Л.) ань «свекровь» (матшка), базар «рынок», вейпа «выговариваю», вижь «зелёный, также жёлтый» и многие др. Большой интерес представляют многозначные и стилистически окрашенные слова.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, письменный памятник, семантика слова, историческая лексикология.

*Alevtina S. Lobanova,
Cand. of Science (Philology),
Associate Professor of Perm State
Humanitarian Pedagogical University
lobanova@pspu.ru*

About some lexical and semantic features of Archpriest Antony Popov's manuscript «The Short Perm Dictionary with the Russian Translation Collected and Alphabetically Arranged» 1785

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а «Рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748–1788): исследование и публикация первых коми-пермяцких грамматик и словарей».

Summary. The manuscript heritage of Archpriest Antony Popov (1748-1788) has not been the subject of a comprehensive analysis to date. The lexico-semantic aspect of the study allows to identify the features of the development of the lexical composition of the Komi-Perm language in the diachrony, to show the possible areal changes in the functioning of certain lexemes, to identify the borrowings over the past two centuries, etc. Such lexemes as (examples are taken from the Popov – L.) an' «mother-in-law» (modern southern matshka), bazar «market» veipa «utter», vizh' «green or yellow» and many others are of great interest. Polysemantic and stylistically colored words are noteworthy.

Key words: Komi-Perm language, written monument, word semantics, historical lexicology.

О важности изучения сохранившихся письменных памятников, выполненных на языке коми-пермяков или, как писали до недавнего прошлого пермяков, сказано и написано уже немало. Напомним лишь, что с одной стороны, они недостаточно древние, как, может, хотелось бы, с другой стороны, даже имеющиеся памятники специалистами до сих пор детально не проанализированы, не говоря об их доступности для каждого интересующегося исторической лексикологией и, отчасти, грамматикой коми-пермяцкого языка.

Предметом нашего внимания является *Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный*, составителем которого является протоиерей Антоний Попов, дата его составления обозначена – это 1785 год.

Напомним, что 18-ый век примечателен тем, что до наших дней сохранилось не менее восьми источников, в которых зафиксирован язык пермяков того периода. Среди них названный Словарь Антония Попова является самым объёмным. Следующие большие работы будут составлены только в 19-ом столетии.

Заметим, что данным источником активно пользовались Р. М. Баталова и А. С. Кривощёкова-Гантман при составлении Коми-пермяцко-русского словаря (1985). Довольно много лексем представлено в этом известном всем лексикографическом источнике с пометой *Попов*.

Впервые особенности данного рукописного источника были описаны Р. М. Баталовой в 1965 году в статье «Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII и первой половины XIX веков» в сборнике

«Вопросы финно-угорского языкознания».

Упомянула об этом словаре и Т. И. Тепляшина в статье «О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка» в журнале «Советское финно-угроведение» (1965).

Раисе Михайловне Баталовой, как и следовало ожидать, было важно определить диалектную принадлежность лингвистического материала. Вот что она отмечает: «Диалект, отражённый в словаре Антония Попова, имеет значительное сходство с нердвинским диалектом коми-пермяцкого языка. Мы предполагаем, что данный диалект занимал территорию к юго-востоку от города Кудымкара и условно называем его припермским» (Баталова, 1965: 114). Логические нестыковки в условном названии ушедшего диалекта и отсутствие каких бы то ни было сравнений с языковыми особенностями современного нердвинского диалекта позволяют усомниться в выводах исследователя, или материал Словаря следует подвергнуть новому, более детальному анализу.

На данном этапе работы над лексикографическим источником, не ставя задачу определения его диалектной принадлежности, всё же позволим себе отметить, что в нём очень активно проявляются особенности коми-язьвинского наречия (и на лексическом, и на грамматическом уровне); отдельные грамматические формы и многие лексемы сближают его с северными диалектами коми-пермяцкого языка. В то же время наличие слов, отсутствующих в современных диалектах южного наречия, но присутствующие в работе Н. Рогова, выполненного в 19-ом столетии на материале современных территорий Кудымкарского и Юсьвинского районов, даёт повод обозначить для нашего Словаря возможный ареал, близкий к Кудымкару. Одним словом, диалектную принадлежность данного письменного источника, на наш взгляд, надо изучать в параллели с другими письменными работами, с современными коми-пермяцкими диалектами, близкородственным коми языком.

В Словаре 2521 словарная статья, из них более 600 занимают русские заимствования.

Очень велик соблазн остановиться на грамматических формах, обнаруженных в анализируемом источнике, но объявленная тема связана с лексическим значением Слова, поэтому попытаемся сфокусироваться на этом аспекте.

В Словаре представлены традиционные лексико-тематические группы слов, без которых не обходится ни один лексикографический

источник: термины родства; понятия, обозначающие флору и фауну, природные явления, наименования частей тела, наименования бытовой утвари, числительные, различные глаголы-действия, прилагательные и т.д., одним словом, то, что принято называть основным словарным фондом языка. Нам показалось интересной деталью то, что в работе довольно много лексем, связанных с женской работой – ткачеством, шитьём, но практически отсутствует лексика охотника; очень скромно представлена мифологическая составляющая народа. Кто же был информантом у А. Попова? Женщина? Довольно уверенно можно утверждать, что он не был носителем пермяцкого языка.

Добавим, что в Словаре представлены как отдельные слова, так и выражения слов, например, *jenъ ладтедысь* (совр. орф. *en lad tödöсь* досл. «знающий лад бога») «благочестивый»; изредка встречаются даже самостоятельные предложения: *jenъ остедь* (совр. орф. *En oz töd* досл. «бога не знает») «безбожник», которые, конечно, усиливают его значимость.

Опираясь на материалы обозначенного источника, попытаемся сформулировать некоторые направления, связанные с семантикой слова и его функционированием, являющиеся интересными в плане исторической лексикологии коми-пермяцкого языка. Отделив от общего лексического материала слова, отвечающие за основной словарный фонд, сохранившие лексическое значение и функциональный аспект, и иноязычные слова, требующие несколько иного анализа, обратим внимание на функционально ограниченные слова исконного происхождения, на непривычное семантическое толкование отдельных слов, стилистически окрашенные слова.

В первую очередь, в данном источнике большой интерес представляют лексемы, зафиксированные в нём, но практически полностью вышедшие из употребления к настоящему дню из коми-пермяцкого литературного языка или сохранившиеся только в составе сложных слов, доказывающих их былую самостоятельность. Значимость этих слов для исторической лексикологии возрастает, если они представлены и в иных, более поздних письменных источниках, а также имеются в родственных языках. К числу этих слов следует отнести *Ыжсь* «баран, овца» (сегодня функционирует в языке коми-язьвинцев и встречается в составе сложного слова *ыжман* «жимолость»); *Четчась* «лягушка» (в этом же значении представлено в словаре Н. Рогова); *Вейна* «выговари-

ваю» (сегодня имеется в языке коми-язьвинцев), *Гõtырь* «жена» (сегодня в качестве самостоятельной лексической единицы не употребляется, только в составе производных *гõtыра* «женатый», *гõtрасьны* «жениться»), *Домь* «узда» (сегодня слово употребительно только в контексте с послелогом *йылын*: *дом йылын* «на привязи» или в производном глаголе *домавны* «привязать»). В этом аспекте зафиксированная в Словаре лексема *вижалань* «зависть» у современного читателя также может вызвать определённое сомнение и недоверие в плане его восприятия. Однако, Словари Г. Чечулина (1828) и Н. Рогова (1869) (*вежаалом*), устойчивое выражение *вежыс петö* в зн. «зависть берет» (Коми-пермяцкий фразеологический словарь 2010: 38) и коми-зырянский *вежалом* «зависть» (Коми-русский словарь 1961: 84) позволяют не сомневаться в том, что в прошлом данная лексическая единица знала своё самостоятельное функционирование, а впоследствии была вытеснена русским вариантом зависть. Список подобных выражений можно продолжить и другими интересными примерами. Удостоверившись в правильности семантической фиксации, можно выявить примерный этап (период), когда та или иная лексема перестала активно функционировать в языке и уступила место другому слову.

Следующее, на что следует обратить внимание, используя материалы этого источника, – это на частичные изменения значения слова по сравнению с современным лексическим наполнением. Семантические сдвиги коми-пермяцких лексем, возникающие в развитии всех языков, крайне редко становятся предметом рассмотрения исследователей. Сужение значения слова или наоборот расширение; ухудшение значения, улучшение и др. аспекты – перспективные виды анализа для любой исторической лексикологии. Словарь Антония Попова служит в этом плане большим (не смеем утверждать о надёжности) источником. Лексических единиц, употребляющихся сегодня или зафиксированных в иных источниках, имеющих близкие, но не полностью совпадающие семантические нагрузки, очень много. Часть из них в Словаре могла возникнуть в силу не знания автором нюансов пермяцкого языка, часть – под влиянием родного языка автора, и только в части из них, смеем так предполагать, действительно, имеет место быть некоторое изменение смысловой нагрузки лексемы. Остановимся на некоторых примерах. Прилагательное *Шцуньть* автор приводит в значении «борзый». Зафиксированные в Коми-пермяцко-русском словаре толкования этой

лексемы быстрый, резвый, проворный, *перен.* подвыпивший, вполне допускают и семантику «борзый». Причём, она могла возникнуть уже как под влиянием переносного значения, так и прямого. Негативный оттенок, сопровождающий прилагательное *борзый*, подразумевает наличие смыслового подтекста, связанного с резвостью и проворностью. Явные изменения в значении слова наблюдаются в таких примерах, как: *шуралемь* «вялый» (совр. сохнуть, высохнуть, подсохнуть), *умельця* «бледнею» (совр. похудеть, ослабнуть, ухудшиться), *шыра* «брею» (совр. стричь) и др. Названные лексемы все являются общепотребительными, но они не знают предложенных Антонием Поповым семантических аспектов, во всяком случае, в современных лексикографических источниках они не обозначены.

Следующий пример намекает на наличие энантиосемии между двумя коми языками. В Словаре выражение *видзя олань* автор предлагает воспринимать как «прощай, прости, оставайся здорово», в то время как в современном коми-зырянском данное выражение является приветствием «здравствуйте».

На наш взгляд, стоит обратить внимание и на стилистически окрашенные слова. Таковые в Словаре также имеются: *берда* «плачу» □ стилистически окрашенное слово в зн. «долго, безутешно плачу» (нейтральное – горза); *горшала* «ожру» и др.

«Французскую болезнь», оказывается, в прошлом называли словомч *чивера* (сегодня – *картовка*). *Чивера* сегодня является стилистически окрашенным словом, дисфемизмом. Так коми-пермяки назовут человека, который крайне неприятен говорящему. При этом подчеркиваются его негативные качества характера.

Со всем тем лексическим богатством, предложенным автором, отдельные моменты в трактовке переводов вызывают сомнения. Так, плотника, якобы, в период составления Словаря пермяки называли словом *Цягкерысь* (досл. «щепки делающий»). У Н. Рогова это понятие закреплено выражением *черён керісј* «плотник» (досл. «топором делающий») (Рогов, 1869: 324), что более ожидаемо и близко по смысловому содержанию компонентом. Не получается выявить этимологию слова кацвилтны «гадать»? Функционирующие сегодня лексемы русского происхождения ворожитны или гадайтны зафиксированы еще Н. Роговым.

Допуская, что в 18 веке в языке пермяков в качестве реализации

слова с семантикой богатство был лексический вариант *Ъмбурь*, который, видимо, надо трактовать как *эм бур* «есть хорошее, есть хорошо, есть в наличии хорошо», то почему антонимичной грамматической формой *Ъмбуртемь* реализуется семантика «убожество», а не «бедность»? Почему семантика слова бездельник не представлена исконным вариантом, а приведён русский вариант – *бездЪльникъ*.

Одним словом, семантический и функциональный аспекты анализа слов, зафиксированных в анализируемом Словаре, способны раскрыть многие вопросы исторической лексикологии коми-пермяцкого языка.

Список литературы

1. Баталова Р.М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII и первой половины XIX веков. // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. – М., 1965. – С.110–121.
2. Баталова Р.М., Кривощёкова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. – М., 1985. – 621 с.
3. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII. / авт.-состав. О. А. Попова. – Пермь, 2010. – 343 с.
4. Коми-русский словарь./под ред. проф. В.И. Лыткина. – М., 1961. – 923 с.
5. Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. – Санкт-Петербургъ, 1869. – 421 с.
6. Тепляшина Т.И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка. // Советское финно-угроведение № 1. 1965. – С. 60–61.